

Посвящается нашему философскому наставнику Вуди Аллену, чье проницательное феноменологическое высказывание звучит искренне и сегодня:

«Невозможно переживать собственную смерть беспристрастно, да еще и точно напевать мелодию».

HEIDEGGER
and a
HIPPO

WALK TROUGH THOSE
PEARLY GATES

*Understanding Political Doublespeak
Through Philosophy and Jokes*

Thomas Cathcart
&
Daniel Klein

PENGUIN BOOKS

[Купити книгу на сайті kniga.biz.ua >>>](#)

ХАЙДЕГГЕР
и
ГИППОПОТАМ
ВХОДЯТ
В РАЙСКИЕ ВРАТА

*Жизнь, смерть и жизнь после смерти
через призму философии и шутки*

Перевод с английского

Томас Каткарт
и
Дэниел Клейн

анф

Москва
2014

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

УДК 128
ББК 87.704.2
К29

Переводчики Анна Яковлева, Роза Пискотина
Редактор Роза Пискотина

Каткарт Т., Клейн Д.

К29 Хайдеггер и гиппопотам входят в райские врата: Жизнь, смерть и жизнь после смерти через призму философии и шутки / Томас Каткарт, Дэниел Клейн ; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2014. — 256 с.

ISBN 978-5-91671-316-9

Смерть и смех? Такой жанр пока еще не имеет названия в науке. Однако читатель вскоре обнаруживает, что под юмористическим соусом получает ценную информацию о том, что не может его не волновать, но часто не принято обсуждать. Исподволь мы узнаем об отношении к смертности человека в различных культурах и религии, об эволюции философских подходов к теме жизни и смерти, о современных стратегиях человека если не обеспечить себе бессмертие, то продлить жизнь на неопределенно долгое время. И, кроме того, мы узнаем, кому из заглавных героев книги «Хайдеггер и гиппопотам входят в райские врата» удастся проникнуть через них.

УДК 128
ББК 87.704.2

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

© Thomas Cathcart, Daniel Klein, 2009

Данное издание опубликовано по разрешению издательства Viking, которое является подразделением Penguin Group (USA) LLC, Penguin Random House Company

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2014

ISBN 978-5-91671-316-9 (рус.)

ISBN 978-0-14-311825-1 (англ.)

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
I. Умер! Что тут поделаешь?	19
1. Здесь точно какая-то ошибка	21
2. Пусть страх станет вашим зонтиком	37
3. Смерть — путь, который предстоит пройти	54
4. Хайдеггерти-Пес, зиггити-бум, что ты делаешь со мной	62
5. Выберите себе бессмертие по вкусу	73
II. Бессмертие, когда вы меньше всего ожидаете его	87
6. Вечное сейчас	89
III. Старомодное бессмертие: на поезде души	99
7. Платон, крестный отец души	101
8. Небеса — ландшафт, за который стоит умереть	127
IV. Жизнь после смерти: открытки с того света	159
9. Свет в конце тоннеля	161
10. Старая шутка на тему «тук-тук-тук»	168

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

V. Смерть как выбор образа жизни	179
11. Смерть, доведенная до абсурда	181
VI. Биотехнологии: экстренные новости	195
12. Стать бессмертным, не умирая	197
VII. Конец	235
13. Конец	237
Благодарности	243
Примечания	245
Список дополнительной литературы	250
Иллюстрации	253

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Простите, не могли бы вы уделить нам минутку внимания? Мы опрашиваем тут желающих и хотели бы задать вам вопрос. Это не займет много времени, и мы даже не спросим вашего имени, хорошо? Итак:

Вы действительно думаете, что умрете?

На самом деле, честно?

Вы действительно полагаете, что ваша жизнь однажды закончится?

Подумайте, не торопитесь с ответом. Хотя, конечно, с каждой минутой жизнь становится все короче.

Если вы похожи на нас, вероятно, вы до конца не верите, что занавес однажды опустится навсегда. В целом мы вроде бы способны принять факт смерти, но в частности? Вот с этим дело обстоит по-другому. Тут мы похожи на американского писателя армянского происхождения Уильяма Сарояна. В его письме наследникам есть такие слова: «Каждый человек умирает, но я всегда верил, что для меня сделают исключение».

С другой стороны, никому не удается вовсе выбросить из головы мысль о смерти. Чем больше мы подавляем в себе мысли о нашей смертности, тем больше они осаж-

дают нас, как те пушистые головки из компьютерной игры «Пришиби крота»*. Наверное, это потому, что смерть является одним из непреложных фактов жизни человека.

Мы — единственные существа, понимающие, что нас ожидает смерть, и в то же время только мы способны воображать себе вечную жизнь. И эта комбинация сводит нас с ума. Смерть пугает нас адом вне нас. Жизнь, не имеющая ясного пункта назначения — если не считать движения к пропасти, — кажется бессмысленной. Без сомнения, именно поэтому смертность человека неотделима от фундаментальных вопросов философии.

А вопросы таковы: в чем смысл жизни — особенно если все это однажды закончится? Как влияет осознание смерти на наш образ жизни? Имела бы жизнь радикально другую значимость, если бы мы жили вечно? Одолела бы нас через тысячу или парочку тысяч лет экзистенциальная скуча, и не пожелали бы мы страстно конца всему этому?

Есть ли у нас душа — а если есть, переживет ли она наше тело? Из чего она состоит? И чья душа лучше — ваша или моя? Существует ли другое временное измерение, в котором прерывается замкнутый цикл рождений и смертей? Возможно ли «жить всегда», живя всегда в настоящий момент?

Рай — это место во времени и пространстве? Если нет, то где он? И каковы шансы попасть туда?

Такого рода вопросы побудили нас около 50 лет назад начать посещать наш первый курс по философии. К сча-

* В этой игре чем быстрее игрок бьет виртуальным молотком по голове выглядывающего из норы крота, тем больше кротовых головок появляется на экране. — Прим. пер.

стью или к несчастью, наши профессора предложили нам обходной путь, сказав, что, прежде чем приниматься за Великие Вопросы, не мешает прояснить кое-какие скучные технические мелочи типа, путал ли Берtrand Расセル понятия «вероятностная необходимость» и «необходимая вероятность»?

Каково?

Между тем время шло, а мы все продолжали приближаться к смерти. В конце концов нам удалось вернуться к нашим Великим Вопросам в курсах по метафизике и теологии, этике и экзистенциализму.

Однако сразу же возникло другое препятствие: честные размышления о собственной смерти до смерти напугали нас. Не получалось без страха и трепета смотреть прямо в физиономию этой Костлявой, приходящей с собой. Но и отвести взгляд мы не могли. Вот такая штука смерть: ты не можешь жить с ней, но тебе не удастся прожить и без нее.

Куда податься человеку?

Тут лучше переключиться на юмор. Без него никак не обойтись.

Милли вместе с мужем Морисом посетила врача. После полного обследования Мориса доктор пригласил Милли поговорить наедине. Он сказал:

— У Мориса серьезное заболевание, вызванное экстремальным стрессом. Если вы не будете следовать моим рекомендациям, ваш супруг умрет. Пусть каждое утро он просыпается от вашего нежного поцелуя, затем кормите его здоровым завтраком. Страйтесь всегда быть в хорошем расположении духа и следите за его настроением. Готовьте ему только его любимые блюда

и позволяйте отдыхать после еды. Не обременяйте его работой по дому и не обсуждайте с ним свои проблемы — это лишь усугубит его стресс. Не спорьте с ним, даже если он вас критикует или смеется над вами. Вечерами делайте ему массаж, чтобы он расслаблялся. Поощряйте просмотры всех спортивных телепередач, даже если вам придется ради этого пропускать свои любимые программы. И самое важное: после ужина всеми силами ублажайте его, удовлетворяя каждый его малейший каприз. Если вы сможете делать все это каждый день в течение шести месяцев, полагаю, Морис полностью восстановит здоровье.

По пути домой Морис спрашивает Милли:

- Ну, что сказал доктор?
- Он сказал, что ты скоро умрешь.

Почему-то слышать о смертности от Милли намного легче. Шутка тем и смешна, что рассказывает о страшном событии, а страхи при этом развеиваются. Потому и существует так много анекдотов на тему секса и смерти — и то и другое пугает нас до дрожи в коленках.

К счастью, так случилось, что мы знаем множество анекдотов. Однажды мы обнаружили, что юмор — хороший способ прояснить наиболее общие философские идеи, и даже написали об этом книжку. А могут ли шутки пролить свет на философские концепции жизни и смерти, Бытия и Небытия, вечного существования души и вечного осуждения на вечные муки и в то же время смягчить наш страх смерти?

Еще как!

И это хорошо, поскольку нам пора (оба мы недавно достигли отведенных человеку Библией 70 лет) позна-

комиться со смертью и с тем, что крупные мыслители говорили о ней. Так что нам предстоит хорошенько повеселиться. Мы приоткроем все гробовые крышки, разглядим не только Большую Костлявую, но также ее приквел — Жизнь — и ее сиквел — благоуханный За-гробный мир. Мы докопаемся до первопричин.

Начнем с мифотворчества как пути, по которому цивилизованные общества пришли к идее отрицания нашей смертности, особенно с помощью организованной религии. В связи с этим, в частности, затронем теорию Фрейда о том, как мы создали религию — и разрушили ее — ради поддержания нашей иллюзии бессмертия.

Потом доберемся до некоторых философов XIX столетия севера Европы (кстати, почему нет ни одного философа на итальянской Ривьере, который писал бы о смерти?). Познакомимся с меланхоличным датчанином Сёреном Кьеркегором, который считал, что одолеть страх смерти можно единственным путем — пройти через нее. По Кьеркегору, все попытки подавить мысли о смерти контрпродуктивны. Способ соприкоснуться с вечностью — принять страх небытия. Скажи, что это не так, Сёрен!

Затем мы посмотрим, что может сказать о нашем предмете мрачный немецкий философ Артур Шопенгауэр. Он фактически запатентовал понятие *Weltschmerz* — Мировой Скорби (вольном переводе: «Мир вызывает у меня тошноту»). Вы можете подумать, что его и от смерти тошило, однако, не любя Жизнь, к Смерти Шопенгауэр относился с совершенной апатией. Он писал, что «смерть индивида не имеет никакого значения» и поэтому «наша смерть должна быть...нам безразлична»¹.

Безразличие по отношению к смерти?! Этим делу не поможешь, Арти, а стрелка нашего счетчика страха мечется, как сумасшедшая. Тут срочно нужна добрая порция юмора на тему о безразличии к смерти.

Итак, умер Оле, и его жена Лина отправилась в редакцию местной газеты заказать некролог. Джентльмен за конторкой после выражения соболезнований спросил Лину, что бы она хотела сказать об Оле.

Лина говорит:

— Просто напишите: «Оле умер».

Сбитый с толку мужчина поинтересовался:

— И все? Ведь есть что-то еще, о чем вы хотели бы рассказать. Вы прожили с мужем 50 лет, у вас дети и孙ки. Не беспокойтесь об оплате, первые пять слов некролога мы печатаем бесплатно.

— Отлично, — говорит Лина. — Напишите: «Оле умер. Продается лодка».

Обзор философских учений о смерти не будет полным, если мы не нанесем визит экзистенциалистам XX в., которые считали небытие непременным дополнением бытия, вроде левого и правого башмака. Остановимся на воззрениях Мартина Хайдеггера и Жан-Поля Сартра, которые бесстрашно попытались взглянуть в глаза смерти. Хайдеггер утверждал, что мы *нуждаемся* в страхе смерти, чтобы не скатиться в «повседневность», такое состояние, когда мы живы лишь наполовину, пребывая в беспросветной иллюзии. А Сартр предлагал рассматривать альтернативу: единственные существа, лишенные страха смерти, — те, которые уже мертвые. Смотрите на вещи трезво — настаивают эти философы.

Да мы бы рады, только для начала перестать бы трястись от ужаса.

Итак, сделаем короткий перерыв, чтобы отдохнуть от этого тяжкого философствования, и обратимся к обще доступной форме отрицания смерти: попыткам убедить самих себя в том, что мы останемся жить в сердцах тех, кто нас знал. Эта стратегия предполагает некоторую сентиментальность наших любимых, а таковая, как вы понимаете, может быть, а может и не быть.

Старик Сол Блюм умирал в своей постели, когда неожиданно почувствовал доносившийся снизу запах любимого им штруделя. Он собрал последние силы и поднялся с кровати. Опираясь о стену, Сол медленно вышел из спальни и кое-как спустился по лестнице, цепляясь обеими руками за перила. Тяжело дыша, он прислонился к косяку двери, глядя в кухню. Если бы не боль в груди, он бы подумал, что уже в раю. На бумажных полотенцах на кухонном столе лежали буквально сотни порций его любимой выпечки. Сол улыбнулся; это был последний акт любви его верной жены Софи, позаботившейся о том, чтобы он покинул сей мир счастливым человеком.

Дрожащей рукой он потянулся к штруделю и...
неожиданно почувствовал шлепок кухонной лопаткой.

— Не трогай, — сказала Софи, — это на потом.

А теперь обратимся к глубокомысленному ответу теолога XX в. Пауля Тиллиха на вопрос: «Когда имеет место вечность?» (оказывается, сейчас). Но «сейчас» постоянно превращается в «тогда». А как насчет сейчас? Хлипкая конструкция.

Тут нужна надежная опора, поэтому обратимся к аргументам древних греков о бессмертии души. Однако прежде хорошо бы понять, что мы имеем в виду, когда говорим «душа», чем она отличается от ума, чем ум и душа отличаются от тела и чем и то, и другое, и третье отличается от нечистой силы. Отправив греков, так сказать, на вечный покой,бросим взгляд на Небеса и другие места обитания после смерти.

Фред и Клайд годами беседовали о том, что будет после жизни. Они договорились, что тот, кто умрет первым, попробует связаться с оставшимся в живых и расскажет, что такое Небеса.

Фред умер первым. Прошел год. Однажды зазвонил телефон, Клайд ответил: это был Фред!

— Неужели это ты, Фред? — спросил он.

— Конечно, Клайд. Это действительно я.

— Как я счастлив тебя слышать! Я уж думал, ты забыл.

Рассказывай! Как там?

— Ну, ты не поверишь, Клайд. Великолепно! У нас самые восхитительные овощи с самых сочных лугов, которые ты когда-либо видел. Мы засыпаем каждое утро, потом нас кормят классным завтраком, а все оставшееся утреннее время мы занимаемся любовью. После плотного обеда мы идем в поля и опять занимаемся любовью. Затем наступает время роскошного ужина — и опять любовь вплоть до поры, когда надо идти спать.

— О Боже! — воскликнул Клайд. — Небеса — это просто сказка!

— Небеса? — переспросил Фред. — Я — кролик в Аризоне.

Ну, а закруглимся мы кратеньким рассмотрением околосмертного опыта, спиритических сеансов, суици-

да и некоторых вполне сумасбродных новых идей о том, как избежать смерти.

*Минуточку-минуточку, парни! Это начинает походить на много шума из ничего**.

Кто это сказал?

Я, Дэрил Фрумкин. Выгуливая своего пса Бинкса, услышал ваш разговор. И хочу сказать, что смерть — довольно простая штука, разве нет? Сначала ты жив, потом — мертв. Конец истории.

Действительно, мистер Фрумкин? И это все? Тогда можно задать вам вопрос?

Вы действительно думаете, что умрете?

* «Много шума из ничего» — название пьесы У. Шекспира. —
Прим. ред.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

. I .

Умер!
Что тут поделаешь?

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

{1}

Здесь точно какая-то ошибка

Дэрил, мы все еще ждем ответа. Вы действительно думаете, что умрете?

Конечно, каждый умирает. Фрэнк Синатра умер. И Норман Мейлер. Не говоря уже о Наполеоне, Гарри Трумэне, Чингисхане и тетушке моей супруги Эдне. Так что, рассуждая логически, само собой разумеется, что однажды и я умру. Я уверен в этом так же, как и в том, что яблоки падают вниз, а не вверх.

Хорошо, Дэрил. Отлично сказано. Но давайте разберемся, речь не идет о вашем научном складе ума человека XXI в., который называет вещи так, как он их видит. Нет, мы говорим о вашем обыденном сознании. Вот прямо сейчас верите ли вы, что ваши дни сочтены, что каждое прошедшее мгновение уменьшает отведенное вам время? Что когда вы достигнете последней отпущенной вам минуты, вы прекратите существовать во всех смыслах этого слова?

А? Как-то невнятно вы говорите, Дэрил. Мы знаем, это пугающий вопрос, но, возможно, мы поможем найти ответ.

Мы считаем, что в глубине души вы не верите в то, что умрете. И причина в том, что вы — цивилизованный

человек. Тут нечего стыдиться — по крайней мере, пока. Нам, людям, чертовски трудно допустить эту очевидную истину. То, что мы делаем ежеминутно и ежедневно, — это *отрицание* нашей смертности. На самом деле мы делаем это легко и просто с помощью социальных структур и обычаев, предлагаемых нам цивилизацией, в которой нас угораздило родиться.

В своем шедевре «Отрицание смерти» антрополог и культуролог XX в. Эрнест Беккер писал, что, даже если мы *объективно* знаем, что смертны, мы пойдем на любые махинации, дабы избежать принятия этой горькой правды (он умер за два месяца до награждения Пулитцеровской премией за свою книгу — несвоевременная кончина, если вообще бывают своеевые времененные).

Причина, по которой мы так страстно отрицаем свою смертность, довольно очевидна: перспектива смерти ужасает! Она погружает нас в беспредельный страх. Она сводит с ума, демонстрируя, что мы тут ненадолго, а когда уйдем, то уйдем навеки. Как можно радоваться жизни, когда над ухом так громко тикают часы?

По Беккеру, единственный способ для большинства из нас справиться с ситуацией — иллюзия. Большая Иллюзия. Большая Иллюзия — основной двигатель человечества, более мощный, по его словам, чем секс; она возвращает «системы бессмертия», внериационные структуры веры, которые дают нам возможность считать себя вечными. Есть распространенная стратегия идентификации себя с племенем, расой или государством, которые прощают свое существование в неопределенное будущее — вместе с нами как частью этих общностей. Есть и бессмертие в искусстве, когда артист надеется по-

средством своей работы оставаться навсегда, а значит, стать бессмертным — в пантеоне великих артистов или, на худой конец, в виде подписи в углу закатного пейзажа, пылящегося на чердаке дома внуков.

Кроме того, существуют пользующиеся наибольшим рыночным спросом теории бессмертия, закрепленные в мировых религиях, от продолжения жизни в качестве части космической энергии на Востоке до ухода из этого мира ради воссоединения с Иисусом на Западе. Менее возвышенными оказываются теории достижения бессмертия посредством оздоровительных систем. Таковые предлагаю нам модную цель жизни, пробуждающую нас к жизни по утрам: иметь как можно больше денег. Тем самым мы отвлекаемся от мысли о финальной черте.

Богатство тоже обеспечивает нам доступ в сообщества, которые будут продолжать жить: в элитарные клубы сильных мира сего. Здесь есть даже бонус: мы можем передать кусочек себя — свои бабки — следующему поколению.

Однако *caveat emptor!* (Или, если вы родом не из Древнего Рима: «Пусть покупатель будет бдителен!»)

Когда Боб понял, что после кончины больного отца станет наследником состояния, он решил найти женщину, которая разделила бы с ним это счастье. И вот однажды вечером отправился в бар для одиноких людей, желающих с кем-нибудь познакомиться, где заметил самую красивую женщину, которую когда-либо видел.

От ее красоты у Боба перехватило дыхание.

— Может быть, я выгляжу как обыкновенный парень, — сказал он, подойдя к ней, — но через неделю или две умрет мой отец, и я унаследую 20 миллионов долларов.

«Больше денег надо было транжирить».

На женщину это произвело сильное впечатление, и в тот же вечер она отправилась к нему домой. А через три дня стала его мачехой.

Маршрут в вечность с помощью баксов предлагает и другой способ имитации бессмертия: поддерживать какой-нибудь нетленный социальный институт в надежде, что ваше имя будет упомянуто на фасаде его здания или отказаться от промежуточного звена и просто воздвигнуть памятник самому себе.

Однако перед тем как вы придетете к выводу, что обет бедности (или, по крайней мере, средненькая зарплата) позволит вам выкрутиться, подумайте еще раз, советует Беккер. Возможно, вы прилагаете усилия, чтобы достичь какой-то земной цели, которая убаюкивает вас верой в то, что вы тут навсегда. Вы можете говорить, что стараетесь «быть знающим», или «быть праведным», или «задавать стиль» — это не имеет значения. Вы все так же попадаетесь на крючок Большой Иллюзии, полагая, что перехитрили Костлявую, разыгрывая роль, которая выходит за пределы вашей ничтожной и робкой личности и делает вас «больше, чем жизнь»... и смерть.

По Беккеру, мы поддерживаем эти разнообразные иллюзии просто в силу нашей цивилизованности. Фактически каждая цивилизация создает собственную систему представлений о бессмертии. По существу, эти системы представляют собой базовую функцию культуры. Без них мы все рехнулись бы от страха смерти и не смогли бы сохранить нашу цивилизацию. Мы бы вернулись к закону джунглей. Отрицание смерти — это стратегия выживания цивилизации!

[<>>](http://kniga.biz.ua)

Иллюзию поддерживать легче, если вы разделяете ее с другими представителями своей культуры, а еще лучше — со своими домочадцами. Возьмем общую иллюзию Клары и ее мужа.

Клара пошла на прием к психиатру и сказала:

— Доктор, надо что-то делать с моим мужем, он думает, будто он — холодильник!

— Я бы не стал особенно тревожиться, — отвечал врач. — Многие страдают такими безобидными бредовыми идеями. Это пройдет.

— Вы не понимаете, — настаивала Клара. — Он спит с открытым ртом, и лампочка, которая у него внутри, не дает мне заснуть.

К сожалению, системы бессмертия вынуждают нас вести себя плохо. Если мы идентифицируем себя с одной из таких систем представлений и наделяем ее смыслом, мы оказываемся перед неприятной проблемой: вступаем в конфликт с представителями других систем. Подобное часто наблюдается в столкновении мировых религий, и это составляет главную трудность: все представления о бессмертии не могут быть истинными, поэтому взгляды других должны быть ошибочными.

Но и на этот случай цивилизация обеспечивает нам средство: *убивать ублюдков!* Будучи мертвыми, они не представляют угрозы нашему чувству бессмертия. И знаете, это работает!

Сколько чернил пролито по поводу крови, пролитой во имя тех или иных религиозных доктрин и их специфических представлений о вечности. Книга Кристофера

«Ты выбрал неправильную религию — и точка.
Я не собираюсь обсуждать это».

Хитченса «Бог — не любовь: как религия все отравляет»*, библия неоатеистического движения, содержит полный реестр преступлений против человечности, совершенных под знаменем превосходства собственной религии. У известного юмориста-сюрреалиста Эмо Филипса есть анекдот, который хорошо обобщает ситуацию.

Однажды я шел по мосту и увидел мужчину, стоящего на краю и собирающегося утопиться. Я подбежал к нему и сказал:

- Остановитесь! Не делайте этого!
 - Почему? — спросил он.
 - Ну, существует столько вещей, ради которых стоит жить!
 - Например?
 - Ну... вы веруете в Бога?
- Он ответил положительно.
- И я! — сказал я. — Видите? У нас много общего, поговорим об этом. Вы христианин или буддист?
 - Христианин.
 - И я тоже. Католик или протестант?
 - Протестант.
 - И я тоже! Вы член Епископальной церкви или баптист?
 - Баптист.
 - Вот и я тоже! Вы член Баптистской церкви Бога или Баптистской церкви Господа?
 - Баптистской церкви Бога.
 - И я тоже! Традиционной Баптистской церкви Бога или реформатской Баптистской церкви Бога?
 - Реформатской.
 - И я тоже! Вы член реформатской Баптистской церкви Бога, образованной в 1879 году,

* Хитченс К. Бог — не любовь. — М.: Альпина нон-фикшн, 2011.

или реформатской Баптистской церкви Бога, образованной в 1915-м?

— Я прихожанин реформатской Баптистской церкви Бога, образованной в 1915-м! — сказал он.

— Умри же, мерзкий еретик, — сказал я и столкнул его в воду.

У Филипса* есть более короткая версия (для тех, кто экономит время):

Вероятно, самое трудное время в жизни каждого — это когда тебе приходится убивать любимого из-за того, что он — дьявол.

Иллюзия для одного глубокого мыслителя — мудрость для другого

Утверждение Беккера о том, что отрицание смерти есть Большая Иллюзия человечества, имеет весьма впечатляющую родословную. В своем небольшом трактате «Будущее одной иллюзии» отец психоанализа и мать бессознательного Зигмунд Фрейд назвал страх смерти одной из главных причин, вынуждающих людей создавать и защищать мифы о богах и религию в целом. Поскольку мы беспомощны перед лицом смерти, наше бессознательное, дабы мы могли с этим справиться, изобретает фигуру Отца небесного. Легко и просто Отец небесный также вознаграждает за хорошее поведение, а посему, утверждает старик Фрейд, у нас имеется убедительная

* Эмо Филипс — знаменитый американский комик с характерным сюрреалистическим юмором. — Прим. ред.